

«С верой и на лугу молиться можно»

Как и чем живут бабушки, которые отпевают покойников

Эти старушки называют себя певчими, а в деревне их окрестили «читалками»: бабушки читают молитвы по умершим и носят в кармане Библию. Каждый вечер они вместе поют церковные песни, а по праздникам устраивают службу у памятника погибшим. Где еще молиться, если в селе нет церкви?

Хомутовка - умирающая деревенька в Грибановском районе. До ближайшего монастыря – Серафимо-Саровского не больше 15 километров. Но старушкам туда не попасть, потому что единственная маршрутка ходит в шесть утра два раза в неделю. А потом еще пересадка – пожилому человеку такой маршрут не осилить. Вот и служат своими силами, говорят: «Что толку бить поклоны перед иконами, если вера не крепка? А с верой и на лугу молиться можно».

Батюшку в деревню привозят, когда кто-то умирает. Он служит часа два, а бабушки остаются на всю ночь. Когда в семье случается горе, сразу идут к ним. Сначала нужно искупать покойника, потом подпеть батюшке на похоронах, а дальше - помины: девять дней, сорок. И каждый раз старушки приходят со своими завернутыми в белые платочки Библиями. Некоторых и звать не нужно, сами бегут.

Бабушки просят не называть их фамилий и не фотографировать. Некоторые вообще не хотят «выворачивать себя наизнанку». Певчих восемь, но поговорить соглашаются только трое:

- Прославлять надо Бога, а не старух. Вы нас не хвалите, пишете, что обычные бабки. Скоро помирать, грехи замаливают.

Баба Зоя

Певчие в деревне были всегда – никто не может вспомнить, когда они появились. Умирали одни старушки приходили, другие. Зою Сергеевну к молитве приучила мать, которую на селе называли не иначе как «Манька-читалка»:

- Мама была маленькая, сухонькая, а голос так и лился. Когда она совсем захворала, стала меня брать с собой на отпевание. Почитает немного и передает книгу. А у меня поначалу так ловко не получалось. Я горлом хотела взять, а не сердцем. Мысли блуждали. Видела, как люди косятся – не то. Потом я стала по вечерам читать понемногу: сегодня страницу, завтра две. Но вдумчиво. И зазвучал голос, сошла Божья благодать. Мама спокойно умирала. Знала, что в нашем доме так и будут по вечерам собираться. Мы вместе молимся, песни поем. У каждой бабушки по тетрадке, переписываем друг у друга тексты. Видим плохо: слово правильно запишем, второе – долой. А как петь начнем – сразу слова на место становятся.

Баба Зоя тихонько заводит:

Последний путь, последний путь,

Последняя дорога.

Последний раз я ухожу

С родимого порога.

Не плачьте горько, мать, отец.

Пора нам расставаться.

Настало времечко мое

Пред Богом оправдаться.

- Так мы душеньку со двора провожаем. Споем, поплачем и сами очистимся от скверны, - говорит она.

Анна Владимировна

Ко всем певчим обращаются «баба». Им нравится:

- Хорошее слово. В нем есть что-то и от бабушки, и от семижильной сельской тетки. Мы в молодости такие были.

Только одну «читалку» зовут по имени-отчеству. Школьная привычка - у Анны Владимировны училось три поколения деревенских:

- Когда впервые пришла с певчими на похороны, меня осудили. Многие помнили, что в советские времена я в Бога не верила, не разрешала школьникам носить крестики. Меня обвинили в лицемерии: мол, раскаялась, бросилась грехи замаливать. Так я и не отрицаю, что была не права. Но на старости лет опомнилась. Вышла на пенсию и решила прочитать Библию. Просто заинтересовалась текстом как филолог. Библия во мне все перевернула. Как я вам могу описать свой духовный путь? Будто из меня вынули все внутренности и промыли в тазу. Душу полоскали отдельно в семи водах и все равно не отчистили. Я теперь ее до конца жизни отчищать буду. Дети меня спрашивают: «Мама, как ты с другими женщинами подружилась? О чем вы говорите? Ты ведь даже телевизор не смотришь». А я земные темы ни с кем и не обсуждаю. Это же деревня: то, что вы вместе молитесь, не значит, что про тебя не будут распускать сплетен. Но мы не между собой дружим – а каждая с Богом.

Анна Владимировна чаще других приходит купать покойников. За свою работу она не берет ничего – даже шоколадку. Остальные бабушки иногда берут сладости: пенсии на них не хватает. Чтобы умершего поминали, родственники раздают бокалы и тарелки. Певчим отдельно покупают деревянные ложки. Сами старушки объясняют:

- Нечего деньги на дорогую посуду тратить. Наши матери на похоронах щи хлебали, а потом ложки забирали. Так и мы делать будем.

Баба Дуся

Баба Дуся уже полгода не выходит из дома. Она была певчей больше 20 лет, а сейчас сил нет смотреть на чужое горе, свое съело:

- Я теперь песни пою одна. Громко пою, иногда соседи прибегают. Я их тогда прошу воды принести, в печку дров подкинуть. Мне тяжело из колодца ведро доставать. Помочь некому: сын есть, но он меня не признает. Жена запретила. А я не ропщу. Мне скоро помирать, а ему с семьей жить.

«Читалки» навещают бабу Дусю раз в месяц. Она живет на окраине деревни, по бездорожью идти трудно:

- Стихи мне новые приносят. Я хоть и ковыляю хуже всех, зато самая зрячая.

Тетрадка со стихами у бабы Дуси в обложке с наклейками. Это внучка оставила, когда еще приходила.

- Сейчас я вам про маму почитаю:

Спи, наша милая мама,

В глубокой могиле сырой,

Теперь твоя жизнь другая,

Господь тебе будет судьбой...

Куда мы теперь не поедем,

Куда мы теперь не пойдём...

Тебя, наша милая мама,

Нигде никогда не найдем.

«Скорей бы к маме на тот свет – загостились я тут, - вздыхает баба Дуся. - Меня-то наши бабки похоронят, отпоют. Только кто потом петь будет?»

Всем бабушкам-певчим далеко за 70. Они продолжают дело своих матерей, а вот передать потрепанные листы уже некому. Но «читалки» об этом стараются не думать:

- Господь распорядится. Все помрем, Библию и тетрадки с собой заберем. Уже наказали их в гроб положить. А пока живы - еще попоем.

Мария РЕПИНА